

УДК 343.352

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ «МНИМОГО» ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Ю.А. Дронова, В.В. Харитошкин

Тверской государственной университет

В статье анализируется ряд вопросов, возникающих в судебно-следственной практике при квалификации так называемого «мнимого» посредничества во взяточничестве и его разграничении со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, «мнимое» посредничество, статья 291.1 Уголовного кодекса РФ, мошенничество

Федеральным Законом №97-ФЗ от 4 мая 2011 года в УК РФ была введена статья 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Представляется, что появление данной статьи, было вызвано необходимостью оценки как самостоятельного состава преступления действий лиц, осуществляющих посредничество между взятодателем и взятополучателем. Прежде деяния этих лиц квалифицировались как соучастие в даче – получении взятки в виде пособничества или подстрекательства. Однако, в специальной литературе отмечалось, что такая квалификация не вполне корректна, в частности потому, что перечень возможных видов пособничества в УК РФ является исчерпывающим и ни под один из них действия посредников прямо не подпадают. Их деяния трактовались как содействие совершению преступления путем устранения препятствий, что нельзя было признать абсолютно точной уголовно-правовой оценкой. Таким образом, появление в УК РФ статьи о посредничестве устранило определенный пробел в правовом регулировании ответственности таких лиц.

Вместе с тем в судебной практике распространены случаи, когда лицо получает от взятодателя материальные ценности якобы для передачи их в качестве взятки должностному лицу и, не намереваясь это сделать, обращает их в свою пользу, т.е. фактически присваивает. Такие действия в теории уголовного права именуется «мнимым посредничеством»¹. Достаточно типичными в этом отношении являются действия некоторых адвокатов, обещающих клиентам прекращение уголовного преследование за взятку должностному лицу, но в действительности не намеревающихся предпринимать для этого каких-либо действий. Так С. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренно-

---

¹ Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. №23. С. 36.

го ч.3 ст. 30, ч.3 ст.159 УК РФ (покушение на мошенничество в крупном размере). Следствием и судом установлено, что к заведующей филиалом одной из межрайонных коллегий адвокатов обратился мужчина, находящийся в розыске за совершение кражи, с просьбой оказать содействие в прекращении в отношении него розыскных мероприятий. Заведующая согласилась помочь и передала его просьбу адвокату С., которая ранее работала в органах МВД, в связи с чем обладала определенными связями в правоохранительных органах. Осужденная пояснила, что сможет содействовать в решении указанного вопроса, но для этого ей необходимо передать 500 тыс. р., предназначенные якобы для дачи взятки должностным лицам органа внутренних дел. В действительности каких-либо мер по выполнению своего обещания она предпринимать не собиралась. Преступная деятельность адвоката была пресечена оперативными сотрудниками регионального управления ФСБ России. Приговором суда виновной назначено наказание в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком на три года².

В разные годы оценка подобных действий в судебной практике была неоднозначной. Например, в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1948 г. и от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» указывалось, что, если лицо, подстрекая взяткодателя, получает у него деньги и иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, но фактически присваивает их, это преступление в отношении лиц, которые склоняли к даче взятке следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки, а в отношении взяткодателя - как покушение на дачу взятки. Позднее Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» занял несколько иную позицию по данному вопросу: «Если лицо получает от взяткодателя деньги либо иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь это сделать, присваивает их, содеянное им, в зависимости от обстоятельств дела, следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки либо пособничество, а в отношении взяткодателя - как покушение на дачу взятки»³. В дальнейшем эта позиция была изменена Пленумом Верховного Суда

---

² Уличенная в мошенничестве адвокат приговорена к лишению свободы условно // Официальный сайт Следственного управления Следственного Комитета РФ по Волгоградской области. Режим доступа: <http://www.skprokvolga.ru/index.php?module=news&task=show&search=1&id=1638>. Дата обращения 01.04.2014.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924 - 1977. М., 1981. Ч. 2. С. 221.

СССР в одноименном постановлении от 30 марта 1990 г. № 3, в котором указано, что подобные действия должны квалифицироваться как мошенничество и в соответствующих случаях - как подстрекательство к даче взятки⁴. В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» разъяснялось, что указанные действия следует квалифицировать как мошенничество. Действия владельца ценностей в таких случаях подлежат квалификации как покушение на дачу взятки⁵. Наконец, в абз. 3 п.26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» сказано: как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп⁶. Таким образом, позиция Пленума по данному вопросу, выраженная в постановлении 2013 года, по сравнению с изложенной в постановлении 2000 года изменений не претерпела.

На практике юридическая оценка таких действий вызывает некоторые трудности, так как определить направленность умысла виновного бывает достаточно проблематично. Умысел при этом неразрывно связан с использованием обмана как способа совершения преступления. Особенность обмана при совершении корыстных преступлений против собственности состоит в его содержании.

Посредник не является инициатором дачи – получения взятки. Он не заинтересован в действиях взяткополучателя, которые тот должен выполнить за взятку, ему не принадлежит предмет взятки, он совершает действия, которые способствуют установлению контактов между взяткодателем и взяткополучателем, получению согласия дать или принять взятку, сводит для дачи – получения взятки, сам передает ее.

---

⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2000 г. № 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе" (ред. от 22 мая 2012 г.) // СПС "КонсультантПлюс" Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // СПС "КонсультантПлюс".

Посредник отличается от взяткодателя тем, что он не имеет самостоятельной заинтересованности в действиях взяткодателя и создает условия для передачи или передает лично материальные блага, принадлежащие взяткодателю или лицам, в интересах которых взяткодатель дает взятку.

Посредник отличается от взяткополучателя тем, что последний получает предмет взятки для себя, а посредник, если и берет предмет взятки, то в целях передачи взяткополучателю. Посредником может быть и должностное лицо, действующее с использованием служебного положения, материально заинтересованное в даче-получении взятки. Однако и в этом случае он отличается от взяткодателя тем, что лишь передает взятку или является связующим лицом между взяткодателем и взяткополучателем.

Подобным содержанием отличается умысел «действительного» посредника, однако, применительно к «мнимому» посреднику все эти особенности присутствуют лишь в рамках мошеннического обмана. Вместе с тем, и по вопросу квалификации действий «мнимого» посредника несмотря на разъяснения Пленума ВС в юридической литературе нет единого мнения.

Можно отметить три основные позиции по данному вопросу.

Так, ряд авторов, исходя из действующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, отстаивает точку зрения, согласно которой предложенное им решение применимо лишь к случаям, когда инициатива в даче взятки принадлежит взяткодателю. Если же мнимый посредник сам склоняет взяткодателя к совершению преступления с намерением завладеть его ценностями и фактически присваивает их, содеянное следует квалифицировать как подстрекательство к покушению на дачу взятки (ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и ст. 291 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ)⁷.

Другие специалисты предлагают квалифицировать соответствующие действия мнимого посредника только как подстрекательство или пособничество в покушении на дачу взятки⁸.

И, наконец, некоторые ученые вообще не усматривают в подобных случаях состава какого-либо преступления, в т.ч. мошенничества, поскольку, по их мнению, использование собственником принадлежащего ему имущества для совершения преступления "выводит" отноше-

---

⁷ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 254; СПб., 2005. С. 218 - 219.

⁸ См.: Комментарий к УК РФ / Отв. ред. В.М. Лебедев. 2-е изд. М., 2004. С. 743; Кондрашова Т.В. Уголовная ответственность за взятничество. Екатеринбург, 2005. С. 63.

ния собственности из числа охраняемых. В этом случае действия лже-посредника, как не представляющие общественной опасности, расцениваются как гражданско-правовой деликт, к которому должны быть применены правила ст. 169 ГК РФ⁹. Данная точка зрения представляется наиболее спорной. Использование собственником своего имущества в преступных целях не влечет прекращения права собственности и, следовательно, оно не перестает быть объектом уголовно-правовой охраны.

Обоснованная критика рассматриваемой позиции высказывается и другими авторами. Так А.В. Грошев отмечает, что нельзя согласиться с позицией авторов, признающих действия «мнимого посредника» гражданско-правовым деликтом. Прежде всего, общественная опасность таких действий определяется не условиями осуществления сделок, а незаконным обогащением виновного в результате завладения чужим имуществом, причинившим ущерб собственнику. Во-вторых, при мнимом посредничестве имущество не используется собственником для совершения преступления, а обманным путем поступает в фактическое обладание лжепосредника, имеющего умысел на его хищение. В этом случае отношения собственности нельзя считать выведенными из числа охраняемых, наоборот, нарушение этих отношений переводит их в сферу уголовно-правовой охраны¹⁰.

Рассматриваемая проблематика включает еще одну разновидность мнимого посредничества, когда лицо, первоначально имея намерение осуществить посреднические действия, затем отказывается от этого намерения и присваивает полученные от взяткодателя ценности. Поскольку в этом случае умысел на завладение предназначенными для передачи в качестве взятки ценностями возник после их получения, лицо виновно в хищении чужого имущества путем присвоения¹¹. Данная ситуация может иметь вполне практическое значение, поскольку при отсутствии доказательств направленности умысла лжепосредника на совершение мошенничества он может быть привлечен к ответственности за хищение чужого имущества, вверенного виновному, по ст. 160 УК РФ. С гражданско-правовой точки зрения в этом случае имущество "вверяется" собственником мнимому посреднику для подкупа должностного лица, т.е. совершения действий с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ничтожная сделка). Согласно ст.

---

⁹ Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 185 - 186.

¹⁰ Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. №23. С. 37.

¹¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 254; СПб., 2005. С. 218 - 219.

169 ГК РФ все полученное по такой сделке взыскивается в доход государства. Такое взыскание налагается судом на имущество, находящееся в собственности взятокодателя, а не какого-либо другого лица, в частности посредника. Поэтому незаконное завладение таким имуществом лицом, которому оно вверено собственником, образует состав присвоения (ст. 160 УК РФ)¹². Эта позиция представляется вполне обоснованной. Действительно, разграничение мошенничества и присвоения производится лишь по изначальной направленности умысла, которую на практике установить достаточно сложно. Вместе с тем, учитывая изложенное выше, отказ виновного признавать мошеннический умысел при наличии иных признаков состава хищения, автоматически влечет квалификацию содеянного как присвоения.

Что касается первых двух указанных точек зрения, то можно отметить следующее. Позиция Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой из квалификации действий «мнимого» посредника исключено соучастие в виде подстрекательства или пособничества в даче взятки и оставлено только мошенничество представляется правильной. Обоснованным в этом смысле является мнение Б.В. Волженкина о том, что мнимого посредника, выразившего согласие передать предмет взятки с единственной целью присвоить полученные ценности, никак нельзя признать «лицом, содействовавшим совершению преступления», как этого требует ч. 5 ст. 33 УК РФ, поскольку именно в результате его обманных действий преступление не состоялось¹³. Таким образом, невозможно признать соучастием в даче взятки действия лица, в результате обмана со стороны которого дача взятки и не могла осуществиться. Данный аргумент свидетельствует о недопустимости признания мнимого посредника не только пособником, но и подстрекателем к даче взятки. Умысел соучастников должен быть общим, то есть направленным на совершение единого преступления. В данных же ситуациях умысел мнимого посредника направлен на совершение хищения чужого имущества путем обмана, то есть мошенничества, а умысел лица, передающего предмет взятки, направлен соответственно на совершение дачи взятки.

Высказывая подобную точку зрения, А.В. Грошев дополнительно отмечает, что не меняет существа данного явления и вменение лжепосреднику подстрекательства *к покушению* на дачу взятки. Согласно ст. 30 УК РФ неоконченное преступление не доводится до конца по независи-

---

¹² Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. №23. С. 37.

¹³ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 254; СПб., 2005. С. 218 - 219.

щим от лица обстоятельств. Соучастие в неоконченном преступлении также предполагает, что эти обстоятельства не зависят от воли всех соучастников, в т.ч. и подстрекателя. В данном случае причиной недоведения преступления до конца являются действия мнимого посредника, исключающие саму возможность совершения окончательного преступления взяточдателем. Действия, внешне напоминающие подстрекательство к даче взятки, по сути, являются способом совершения мошенничества¹⁴.

Изложенное свидетельствует о том, что ни позиция о совокупности мошенничества и соучастия в даче взятки, ни тем более позиция о том, что в действиях мнимого посредника вообще нет состава мошенничества, а только подстрекательство или пособничество в покушении на дачу взятки, не являются обоснованными и соответствующими смыслу уголовного закона.

Помимо рассмотренных проблем квалификации лжепосредничества существует еще одна, которая в ряде случаев может вызвать сложности в правоприменительной практике. Речь идет о ситуациях, когда взятка не передается должностному лицу по независящим от посредника обстоятельствам, в частности в связи с проведением оперативных мероприятий. При таких обстоятельствах имеет место уже не мнимое посредничество, а то, что можно охарактеризовать как неудавшееся посредничество. Действия взяточдателя здесь следует квалифицировать как покушение на дачу взятки, а действия посредника – как покушение на посредничество во взяточничестве, предусмотренное ч. ч. 1, 2 ст. 291.1 УК РФ (при значительном размере взятки - свыше 25 тыс. руб.).

Вопросы, затронутые в данной статье, составляют лишь небольшую часть проблематики, связанной с квалификацией коррупционных и смежных с ними преступлений. Правильная уголовно-правовая оценка рассматриваемых преступлений безусловно способствует соблюдению законности и назначению справедливого наказания за содеянное.

---

¹⁴ Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. №23. С. 38.

Список литературы

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 254; СПб., 2005.
2. Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. №23.
3. Комментарий к УК РФ / Отв. ред. В.М. Лебедев. 2-е изд. М., 2004. С. 743; Кондрашова Т.В. Уголовная ответственность за взяточничество. Екатеринбург, 2005.
4. Уличенная в мошенничестве адвокат приговорена к лишению свободы условно // Официальный сайт Следственного управления Следственного Комитета РФ по Волгоградской области. Режим доступа:
<http://www.skprokvolga.ru/index.php?module=news&task=show&search=1&id=1638>. Дата обращения 01.04.2014.
5. Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004.

SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF «ALLEGED» MEDIATION IN BRIBERY

Yu.A.Dronova, V.V. Kharitoshkin

Tver State University

In the article analyzes some issues which arise in investigative and judicial practice in qualification of «alleged» mediation in bribery, and it's distinction of neighboring crime structure.

Keywords: *mediation in bribery, «alleged» mediation, article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, fraud.*

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – канд. юр. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г.Тверь, ул.Желябова, 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – канд. юр. наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г.Тверь, ул.Желябова, 33).

Дронова Ю.А., Харитошкин В.В. Некоторые вопросы квалификации «мнимого» посредничества во взяточничестве//Вестник ТвГУ. Серия Право.2014. №3.С.117–124.

УДК 342.5

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ КАК «ФРОНТ-ОФИС» ГОСУДАРСТВА ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГРАЖДАНАМИ РОССИИ

В.Н. Зайковский

Тверской филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации

В статье исследуются некоторые проблемы процесса становления в России организационного механизма предоставления государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: административная реформа, функции государственного управления, государственные и муниципальные услуги, многофункциональные центры предоставления государственных услуг, технология «одного окна»

Одной из целей проводимой в России реформы отечественной системы государственного управления является, как известно, «повышение качества и доступности государственных услуг». При этом в числе способов её достижения действующее законодательство¹ предусматривает создание сети многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее - МФЦ или Центры)².

Однако новизна названной проблемы для отечественной науки публичного управления и несовершенство правовых основ деятельности по её решению создают некоторые затруднения с практической реализацией указанной выше цели.

В этой связи представляется целесообразным уточнение некоторых вопросов, не получивших пока должного отражения ни в теории, ни в соответствующих нормативных правовых актах.

---

¹ Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах // Собрание законодательства РФ. - 2005. - . № 46. - Ст. 4720; Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011 - 2013 годы // Собрание законодательства РФ. - 2011. - №26. - Ст. 3826; Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ № 601 от 7.05.2012 г. // Российская газета. - 2012. - 9 мая.

² К 2015 году в России планируется создать такие Центры в каждом муниципальном районе и городском округе, а на уровне поселений (городских и сельских) ещё должны быть организованы так называемые «пункты удалённого доступа» к услугам МФЦ.